

Физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и тогда он не вправе от них уклониться.

Иван Ильин.

Из книги

«О сопротивлении злу силою»

Пролог

Как гласит народная мудрость, если в лесу вы наткнетесь на деревья с сидящими на них людьми, значит, эти деревья дубы, а вы — дикий кабан. Сейчас была примерно такая же ситуация. Правда, с немного иным пейзажем. Пустырь с редкими, но высокими дюнами строительного мусора, черные окна двух выселенных пятиэтажек, пара фонарей с лампочками, выбитыми еще в прошлом веке. Вечернее небо над головой, серый песок под ногами. Не должно пройти и пятнадцати минут, как кому-то потребуется влезть на фонарный столб, а кое-кто превратится в беспощадного лютого зверя. Я достала из сумочки сигареты и зажигалку, прикурила. Вообще я терпеть не могу табачного дыма и даже прокуренных помещений, но сейчас мне нужно было что-то делать. Иначе те, кто следили за мной, могли задаться закономерным вопросом — что делает на заваленном мусором пустыре блондинистая девица в джинсовой куртке и брюках?! Ищет приключений на свою не слишком худую задницу? А так — все нормально и буднично, стою, курю, люблюсь на зажигающиеся звезды.

За мной следили с самого вокзала. Сперва я вычислила ИХ, а потом ОНИ заметили меня и вели до

самого пустыря. Сейчас они где-то рядом, наблюдают, выжидают, чтобы наброситься наверняка, отрезав мне любую возможность к бегству. Но они не настолько умны, чтобы сообразить — я жду именно этого и отступить не собираюсь... Так, вот оно, кажется, начинается! В начале пустыря, со стороны пятиэтажек, показалась одинокая мужская фигура. Взглянув на наручные часы я отметила пунктуальность — встреча была назначена ровно на 22.30. Двигающийся в мою сторону мужчина был не кто иной, как зритель и заказчик того зрелища, которое должно было начаться с минуты на минуту.

— Вы Евгения Федоровна? — спрашивает он, не доходя до меня каких-то пару шагов.

Я вижу его впервые и молча киваю головой. Он молод, но фигура несколько мешковата, носит очки, недешевый плащ и стильные ботинки с острыми носами. Старается держаться точно на своей дурацкой службе, какая я ему Федоровна?! Я, скорее всего, даже младше на пару лет, чем он.

— Почему вы вызвали меня сюда? — продолжает он служебным тоном.

— Хочу, чтобы вы удостоверились в том, что я четко выполняю поставленные задачи, — отвечаю я и добавляю с некоторым вызовом: — Впрочем, лично вас я не вызывала.

Он не обижается. Служба, она и на засранном пустыре служба.

— На шоссе меня и вас ждет машина. Там трое наших сотрудников с оружием, — сообщает очкарик.

— Это лишнее, — пожимаю плечами я.

Очкарик пожимает плечами в ответ, бросает взгляд за мою спину, усмехается. Его можно понять. Сзади меня стоит огромный, в человеческий рост, плакат, на котором изображен симпатичный молодой человек с усиками, развевающимися в разные сторо-

ны патлами, выбившимися из-под треуголки времен Петра Первого. В руках у молодого человека сабля, он явно готов к яростной атаке. Кажется, его зовут Джонни Депп, а фильм именуется «Пираты Карибского моря». Однако надпись внизу гласит следующее:

ПОДВИГ НАРОДА БУДЕТ ЖИТЬ В ВЕКАХ!

Ну что ж, на просторах Карибского моря люди тоже кровь проливали, и не зазря. Жаль, что я уже не в том возрасте, когда люди интересуются пиратами... Плакат подпирает груда ржавых, дырявых ведер и еще какой-то недвусмысленно пахнущей рухляди... Еще минуты полторы у нас есть. Те, кто сейчас наблюдают за нами, уже должны были оценить обстановку. На пустырь явился некий толстый очкарик в дорогом прикиде. Что ж, свидания зачастую назначаются в самых невероятных местах. Девка и очкарик весьма лакомая добыча для тех, кого я вычислила еще в электропоезде.

— Вы совершенно не похожи на «человека оттуда», — произношу я, чтобы продолжить беседу и чтобы со стороны мы казались беспечно болтающей парочкой. — В смысле на офицера спецслужбы.

— А на кого я похож? — спрашивает очкарик.

— На топ-менеджера.

— Или гоп-стоп-менеджера? — улыбается он.

Похоже, у него есть чувство юмора, и он не прочь беседовать со мной в столь вольном стиле. Что ж, не пройдет и пяти минут, как этому юноше будет не до смеха.

— Гоп-стоп-менеджер, — повторила я и кивнула за спину моего собеседника.

Обернувшись, он невольно сделал шаг назад. М-да, как говорится, не прошло и минуты. Как все иной раз быстро и точно складывается.

— Вам страшно? — спрашиваю я.

Мой собеседник ничего не ответил, лишь инстинктивно дернул правую руку к скрытой под плащом пистолетной кобуре.

— Это то, что вы просили меня найти.

Он вновь ничего не ответил, но явно был готов в любую секунду выхватить свой табельный пистолет. Что было вполне объяснимо: пока мы ненавязчиво беседовали, нас взяли в плотное кольцо шестеро. Молодые, высокие, с тупыми, ничего не выражающими физиономиями. Обкуренная, обколотая мразь. Или же, если выразаться политкорректно, — гоп-стоп-менеджеры.

— Зачинщик убийств вот этот, в красной куртке, — сообщила я.

Очкарик скупно кивает, делает шаг в сторону. Это достаточно осмотрительно с его стороны, никто из нас не должен перекрывать друг другу линию огневого поражения. На нас надвигаются молча. У одного я замечаю нож, у двух других велосипедные цепи, остальные тоже наверняка вооружены, но прячут оружие под грязными, мятыми куртками. Они могли бы броситься на нас, но им нужно насладиться нашим страхом и собственным величием.

— Бабло вынимай! — командует тот, что в красном.

Он ближе всех к нам, что-то жует слюнявой губастой пастью. Низкий лоб, вместо прически редкие стриженные кусты, вместо глаз черные, ничего не выражающие провалы... Даже если мы отдадим все деньги и прочие имеющиеся ценности, в живых нас не оставят. Как сделали это с пятью менее удачливыми мужчинами и женщинами всего за прошедшие полмесяца. Вступать с ними в переговоры мы не собираемся. Даже если эта мразь не обучена боевым единоборствам, она очень опасна. Они уже запрограммированы на насилие, убийство. Каждое их движение обусловлено именно этим желанием. Они уже

совсем близко, медлить больше нельзя. Очкарик выхватывает из потайной кобуры пистолет Макарова, а я извлекаю из джинсы маленький ПСС — пистолет специальный самозарядный. И бесшумный. Мой собеседник тут же стреляет один раз и при этом в воздух (ничего не попишешь — служебная инструкция!), а я ровно шесть раз, расходуя весь боекомплект, и отнюдь не в вечернее небо. Двое успевают вскрикнуть, в том числе и главарь в красной куртке, остальные валятся молча, точно сбитые городки. С двадцати метров пуля, выпущенная из ПСС, пробивает армейскую каску. Все шестеро лежат, дополнив своими телами мусорный пейзаж. Я убираю оружие, молча подхожу к главарю, одним движением задирю куртку на его правой руке до плеча. Очкарик видит цветную татуировку в виде какой-то сатанинской твари, опутавшей всю конечность.

— Точно! — кивает очкарик. — Выжившая девушка говорила именно про такую татуировку. Тогда он был без куртки.

— Тогда была жара, — киваю я.

В самом деле был один из самых жарких летних дней. Ту изнасилованную девушку, сообщившую хоть какие-то приметы молодежной банды, грабившей, насилующей и убивающей молодых людей в разных районах Подмосковья, били головой о металлический парапет железнодорожного моста, потом сбросили в воду. Удостовериться в ее окончательной смерти не успели, их спугнула ехавшая мимо машина ДПС. И девушка выжила.

— Как вы их нашли? — вытирая испарину со лба, задает вопрос очкарик.

Вообще-то я не обязана перед ним отчитываться, но тем не менее охотно делюсь опытом:

— Поскольку убийства совершались в разных районах, я поняла, что банда мобильна. Ну а поскольку убийства происходили неподалеку от желез-

нодорожных путей, я поняла, что своих жертв преступники выслеживали в электричках.

Уточнять, как такая элементарная мысль не могла прийти в голову областным милиционерам и той же спецслужбе, я не стала. В ответ будут лишь стенания и ссылки на нехватку денег, бензина, людей, времени и прочего... Если бы среди тех пяти убитых не было сына одного из генералов спецслужбы, то убийства продолжались бы и поныне. Меня же наняли исключительно по просьбе того самого генерала, заурядная уголовщина не мой профиль. Тем не менее приходится при необходимости делать и чужую работу.

— Вот видите, они совсем не страшные, — позволяю себе улыбнуться я.

Лет семнадцать назад, когда я еще была младшей школьницей и жила с родителями в одной из южных республик бывшего СССР, как-то раненько по улицам моего родного города прошла шумная толпа таких вот ребятишек, а к полудню по всему городу лежали тела людей с отрезанными головами. Много тел, а голов чуть меньше. Говорят, собаки успели съесть, многих так без голов и хоронили... Но об этом я сейчас вслух не говорю.

Мой собеседник ничего не отвечает, лишь передергивается всей своей мешковатой фигурой. Потом лезет во внутренний карман, протягивает мне две пачки с денежными купюрами.

— Остальное получите лично у генерала, — произносит он. — Вас подвезти?

— Спасибо, не стоит, — отвечаю я.

Уверена, он некоторое время смотрит мне вслед, пока я совсем не исчезаю в окончательно сгустившихся сумерках. Джонни Депп смотрит мне в спину, надпись под Джонни продолжает убеждать, что под-

виг карибских пиратов будет жить в веках. Очкарик поправляет кобуру, запахивает плащ и поспешно возвращается к ждущей его машине с тремя вооруженными сотрудниками. Те вряд ли слышали стрельбу. Выстрел очкарика совпал с гудком электровоза, а мой пистолет бесшумен, разве что затвор лязгает. Они бывалые мужики, возможно, кто-то из них слышал обо мне, тем не менее заметно удивлены рассказом коллеги-очкарика. Он наверняка спрашивает у них, кто я такая и почему обо мне почтительно отзываются генералы с большими звездами.

— Она Охотница. Стальная баба... — отвечает ему один из сидящих в машине.

— А я слышал, что она никогда не стреляет в людей в форме. Это ее принцип... — добавляет другой сотрудник.

— Она — офицер? — спрашивает мой недавний собеседник, протирая вспотевшие очки.

— Нет, — отвечают ему, — она нигде не служит. Никто не может ей ничего приказать...

Я в это время стою на шоссе, и около меня останавливается частник, которому я махнула рукой. Он видит перед собой усталую женщину с бледным, лишенным косметики лицом, с убранными под платок волосами и с сигаретой в ненакрашенных губах. Я прошу отвезти меня в Москву, он кивает. Сидя на заднем сиденье, я продолжаю воображать себе происходящий в эти минуты разговор между спецслужбистами:

— Ее отец — капитан, офицер «Альфы». Погиб при обезвреживании террористов.

Это неправда, но мне пока что не хочется ничего опровергать. Пусть для кое-кого это будет так!

— Ликвидация Шамиля Басаева часом не ее рук дело?

— Говорят, ее... Но я вам об этом не говорил.

Дело не моих рук, но, опять же, опровергать до поры до времени не буду.

— У нее какая-то фантастическая энергетика. Мне говорили, она взглядом факелы тушит...

Явное вранье! Не факелы, а свечку, и всего один раз.

— Зачем она этим занимается?

— Она не может без этого жить...

Последнее почти правда.

— Прямо-таки русская Никита...

Вот на это могу и обидеться! Никита — психопатка, а я умею держать себя в руках. Даже сейчас руки ничуть не дрожат. Для водителя-частника я усталая, полусонная дачница, возвращающаяся в столицу.

— Ее на самом деле зовут Евгения?

Этот вопрос задает очкарик, остальные в ответ лишь пожимают плечами.

На самом деле никакого такого разговора не происходит и происходить не может. В спецслужбе не принято задавать лишних вопросов.

А зовут меня и в самом деле Евгения.

Гладкова Евгения Федоровна. Можно назвать меня блондинкой, можно рыжей. Телосложение среднее, рост тоже средний, глаза серые. Иногда ношу очки, зрение, увы, немного подвело. Возможно, из-за детского увлечения чтением фантастических книжек перед сном. Вожу машину, неплохо играю в волейбол, могу в подлиннике читать англоязычных классиков, что, впрочем, делаю крайне редко. И еще могу без пауз и запинок произнести скороговорку: «Хироманты и хирурги характеризуют хвори рахитов хрупкостью хрящей и хроническим хромосомным харакири...»

Часть I

ИГРА НА ВЫЛЕТ

Глава 1

Сегодня утром меня впервые назвали женщиной. А до этого лишь «девушка» да «девушка»... А с сегодняшнего утра я — женщина!

— Женщина, вы не подскажите, где ближайшее метро? — спросил меня строгий дяденька в очках, лет эдак на тридцать постарше.

Где метро, я подсказала, затем оглядела себя в зеркальной витрине ближайшего маркета. Еще не окончательно вышла из образа усталой дачницы, что, впрочем, не так плохо. Не будут всякие придурки по пути клеиться. Я прохожу мимо очередной столичной стройки (в Москве постоянно что-то строят и перекапывают!), сворачиваю в переулок. Затем в арку. Останавливаюсь у двери выселенного подъезда. Распахиваю ее и оказываюсь перед другой дверью, на сей раз железной и с кодовым замком. Набрав код, оказываюсь в длинном слабо освещенном коридоре. Пока я двигаюсь по нему, меня тщательно изучают на экране видеомонитора. Как выглядит лицо, походка, во что одета, имеется ли под одеждой оружие. Просвечивают точно рентгеном. Останавливаюсь в конце коридора у следующей двери, вновь набираю код.

— Оружие сдайте, пожалуйста, — произносит откуда-то сверху голос невидимого привратника, как только дверь открывается.

С местными порядками не поспоришь. Вынимаю оружие и кладу перед запертым окошечком. Не ПСС (ПСС уже и в помине нет), а заурядный газовый шпалер, годный пугать пьяных бомжей. Окошечко не открывается, но пистолет автоматически сам въезжает под него и исчезает, точно его и не было. Я вновь иду по коридору, пока не дохожу до двери с буквою Н, которая сама распаивается перед моим носом.

— Проходите, Евгения Федоровна!

Итак, я в самом чреве спецслужбы, точнее, в ее штаб-квартире. Окон в этой штаб-квартире не имеется, но освещение и вентиляция прекрасные. И еще имеется несколько «нижних этажей», а также лифт, ведущий в подземный бункер, в так называемое метро-2. Я там еще ни разу не была, но знаю, как попасть туда из нескольких столичных точек и подземными тоннелями добраться до штаб-квартиры...

В кабинете начальника со мной здороваются среднего роста человек лет пятидесяти, подтянутый, с внешностью и голосом школьного учителя точных дисциплин. Разумного и доброго.

— Вы отлично выполнили задание, — произносит он. — Милиция, скорее всего, закроет дело, следов никаких. Предварительная версия — обкурившиеся отморозки сами перестреляли друг дружку, а пистолет выпал из рук умирающего от ран, упал в сточную канаву, и его унесло течением.

Сточная канава имелась, течение тоже. Быстрое и холодное. Против такой версии трудно возразить.

— Вы-то сами как? — спрашивает хозяин штаб-квартиры.

— Как обычно, — отвечаю я дежурной фразой.

— Ну что ж, получите вашу зарплату, расписываться не обязательно.

Он выкладывает из ящика письменного стола еще три пачки денег. Сам за них где-то расписался, а я ведь не сотрудница, я наемница... У хозяина штаб-

квартиры плохо сочетаемые имя и отчество — Сократ Иванович. Фамилия — Прохоров. Он генерал, но я совершенно не представляю его в форме. А несчастный генерал, сына которого убили юные отморозки, — близкий друг Сократа Ивановича.

— Когда эти ублюдки насильовали и убивали других детей, никто и не чесался... — убрав деньги, произношу я.

Поскольку не ношу погон, то могу позволить себе мнение, не всегда совпадающее с генеральским. Впрочем, генерал и не спорит.

— Да, это так, — согласился со мною Сократ Иванович и добавил отстраненным тоном: — В стране дураков построили наконец хорошие дороги, но, как оказалось, не туда.

— Эту шутку я уже слышала. Правда, не от вас.

— На авторство не претендую, — кивает генерал Прохоров. — Евгения Федоровна, я знаю ваше состояние, знаю, что вам необходим отдых...

Я молча поднимаю вверх ладонь. Дескать, все ясно, у Сократа Ивановича что-то срочное, персонально для меня. Надеюсь, не охота на уголовников, а по профилю.

— Пропал один человек. Совсем пропал, — проговорил Сократ Иванович, добавив немного смущенным голосом: — Никаких концов.

— Этот человек... — начала я и тут же сделала выразительную паузу, давая Прохорову докончить.

— Конструктор, доктор технических наук. Разработчик технологий двойного назначения, — стараясь быть подчеркнуто невозмутимым, продолжил генерал. — То есть таких технологий, которые с одинаковой эффективностью могут использоваться как в мирных, так и в военных целях.

Я лишь усмехнулась. Сократ Иванович забыл, что у меня два высших образования. Одно, правда, незаконченное. М-да, моему генералу есть отчего впасть

в смущение. Из-под носа у его могущественной конторы исчез оборонщик-секретоноситель. Фраза «никаких зацепок» означает, что их действительно нет. Наверняка подчиненные Сократа Ивановича уже обшарили всю квартиру секретоносителя, сняли все возможные отпечатки пальцев, исхитрились законсервировать и исследовать запахи, опросили всех-всех родственников, знакомых, любовниц, собутыльников. Проверили лиц из числа иностранцев, имеющих связи с разведслужбами, установили за ними контроль... И НИЧЕГО! Исчез человек, точно растворился в воздухе.

— Вечером ваш доктор наук вошел в свою квартиру, и с той поры о нем ни слуху ни духу, — кивнула я. — Это было двое суток назад?

— Ровно двое суток, — подтвердил Сократ Иванович.

За это время конструктор-секретоноситель мог оказаться где угодно. Я лишь морщусь.

— Если он вне пределов РФ, то вернуть его мне одной будет проблематично, — только и произнесла я.

— Ваша задача, Евгения Федоровна, найти след, направление, в котором мои сотрудники смогли бы работать дальше. Не более того.

— Я попробую, — произнесла я. — Секретоносители мне не безразличны. Оплата прежняя?

Сократ Иванович кивает. Затем осведомляется о моем самочувствии.

— Вы же видите, я на ногах! — отзываюсь с заметным раздражением. — Когда упаду — похороните за счет вашей конторы. Больше не спрашивайте меня на эту тему!

Генерал лишь вздыхает. Затем протягивает мне папку и диск с информацией о пропавшем секретоносителе.

— Я знаю, вы обычно работаете одна, — кивнув на папку, произносит Сократ Иванович. — Но здесь осо-

бый случай. Есть один человек, который смог бы оказать вам помощь. Он, правда, довольно-таки тяжел в общении, но другого помощника у меня для вас нет.

— Кто он? — интересуюсь я.

— Из армейской разведки. Спецназ ВДВ.

Я вторично морщусь и категорически качаю головой:

— Пожалуй, я обойдусь без помощников.

В самом деле, на кой ляд мне войсковой разведчик с мерзким характером?! Да еще из ВДВ?! Ведь не укрепрайон штурмовать собираемся?!

— Как знаете, — разводит руками генерал Прохоров. — Просьбы, пожелания?

— Есть одна просьба личного характера, — тут же отзываюсь я. — Мне нужна пони... Ну, такая маленькая лошадка, катающая детей.

Кажется, я не совсем правильно выразилась, пони — он, как, например, тигр, а не она. Поэтому правильно говорить — мне нужен пони. Однако Сократ Иванович не стал меня поправлять. Как и выяснять, для чего мне нужна такая маленькая лошадка.

— К какому числу? — уточнил он.

— Чем быстрее, тем лучше, — ответила я.

— Я вам позвоню, — кивает генерал, и я покидаю его кабинет.

Маленькая лошадка пони. Да, она нужна мне. Очень нужна. Может быть, даже больше, чем генералу Прохорову исчезнувший секретноноситель.

Уже покинув штаб-квартиру, в переулке я нос к носу столкнулась со вчерашним полнеющим очкариком. Он сделал вид, что не узнал меня, как этого и предписывала этика, свойственная офицерам спецслужбы.

Спустя пару часов я уже подходила к блочной многоэтажке, в одном из подъездов которой проживал доктор технических наук Павел Владимирович Шорников. Именно на ступенях подъезда номер четыре его видели последний раз двое суток назад.

Глава 2

Сократ Иванович предоставил мне полный отчет о работе следственно-поисковой группы по факту исчезновения Павла Шорникова. Человек приехал к себе домой, попрощался с водителем и телохранителем, зашел в подъезд и исчез с концами. Телохранитель после получил выговор за то, что не проводил Шорникова до дверей. Исчез секретноноситель в течение каких-то считанных минут, если не секунд. Судите сами — вошел в подъезд (3—7 секунд), нажал кнопку лифта и дождался его (от 3 до 20—40 секунд), поднялся на лифте на шестой этаж (4—8 секунд). И с этого мгновения исчез. Дверь квартиры не открывал (это подтвердили домашние), на связь с водителем и охраной не вышел. Специальный брелок, который оповещал охрану о внезапном нападении, не сработал, значит, был мгновенно отключен. И вот при таких данных контора Сократа Ивановича не может обнаружить ни малейшей зацепки. С телохранителя и водителя взяли подписку о невыезде и усиленно допрашивают их обоих. Мне же кажется, они ни при чем. Шорников не любил излишней опеки и не хотел, чтобы его домашние видели, что их мужа и сына охраняют. Видимо, во избежание лишних вопросов. Весьма логично. Что мы имеем еще? Да ничего. Запертый подвал и запертый чердак, что подтвердили техник-смотритель и участковый. Соседи, по первичным данным, вполне благонадежны, но это лишь по первичным, их продолжают проверять люди Прохорова. В двух других подъездах местная молодежь распивала энергетические коктейли и брэнчала на гитарах, в подъезде через один был переезд, выносили мебель. Последнее я отметила чисто интуитивно. В самом деле, был переезд, прохоровские розыскники уже давно уточнили, кто, когда и куда, в том числе

какая фирма занималась перевозкой мебели. Что ж, пойдём по пути Павла Шорникова и его похитителей. Войдя в подъезд, я отметила отсутствие консерва и наличие кодового замка. Вход в подвал со двора, и он был заперт, можно сейчас даже не проверять. А вот вход в чердачное помещение надо проверить. Когда я вошла в лифт, то с правой стороны обнаружила объявление, написанное крупными, каллиграфически выведенными буквами. Вошедшему в лифт надлежало прочитать и усвоить следующее:

Уважаемые лифтопользователи!
Убедительная просьба ко всем вам!
В лифте НЕ КУРИТЬ!
НЕ СОРИТЬ!
НЕ ССАТЬ!

(в случае невыполнения лифт будет отключен)

Жестоко, но справедливо! Ко всему прочему, неизвестный автор объявления придумал новое словечко — лифтопользователь. Обогастил русский язык, почти как господин Солженицын, придумавший глагол «угреться». Поднявшись на лифте на последний этаж, я обнаружила на чердачной двери огромный замочик, ещё советских времен. Потрогала пальцами — заперт. Для проверки на прочность рубанула по нему ребром ладони, не столь, конечно же, резко и концентрированно, как при перешибании огнеупорных кирпичей. Замок звякнул погремушкой и слетел с петель, причем вовсе не от силы моего удара. Дужка была подпилена ножовкой, но при этом хитрым образом, возможно с помощью специального клея, слеплена так, будто была целой. Таким образом, при первичном осмотре он выглядел вполне надежно. Замок существовал де-юре, но отсутствовал де-факто. На месте Сократа Ивановича я бы дала его подчиненным основательный нагоняй. С этого замка нужно

снять отпечатки пальцев. И, по возможности, установить их владельца. Достав из кармана специальную «аптечку», я быстренько выполнила эту процедуру. Устанавливать владельцев отпечатков будет служба Сократа Ивановича, а я двигаюсь дальше. Неужели мне удалось взять след?! Пройдя чердачное помещение, я не обнаружила там ничего интересного. Я дошла до выхода в подъезд, из которого в день исчезновения Шорникова выносили вещи. Он был не заперт. Не торопясь с выводами, я вернулась в точку, откуда начала путь. Аккуратно вернула на место замок. Уже готова была вызвать лифт, как обратила внимание на коробку с бумажным мусором, которая стояла в конце коридора, ведущего к квартирам последнего этажа. Изучение мусора — одна из необходимых специфик моей профессии. Бумажный мусор несколько предпочтительней всего остального, так как не липнет и не пахнет. Можно предположить, что в день исчезновения коробка с мусором стояла рядом с лифтом, а потом кто-то из жильцов ее переставил? Почему бы и нет? В коробке лежало не так уж много смятых рваных бумажек, я быстренько рассовала их по карманам, и в это самое мгновение послышался шум поднимающегося на последний этаж лифта. Сталкиваться с кем-либо мне не хотелось, и я юркнула точно в специально для меня предназначенный закуток. В нем находились ведра, тряпки и швабра. Он был темный. Выходя из лифта и идя по коридору, невозможно было разглядеть, есть там кто-либо или нет. Что ж, прежде здесь того, кто прибыл, а потом спущусь на первый этаж. У меня теперь имелись отпечатки пальцев, бумажный мусор и кое-какая версия...

Из лифта вышли двое. Я хорошо их видела, они меня нет. Оба в спортивных костюмах, молчаливые, не торопящиеся проходить к квартирам. Поэтому совсем не похожие на жильцов. Мужчины огляделись

вокруг. Затем тот, что постарше, молча кивнул второму на замок, по-прежнему висящий на чердачном входе. Тот, столь же молча, двумя пальцами взялся за замок, резким движением сорвал с петель. Оба, по-прежнему не произнося ни слова, многозначительно переглянулись. Дескать, трогал кто-то наш замок, совсем недавно трогал. Затем мужчины почти одновременно достали из-под спортивных курток по пистолету Макарова. Ну вот вам и здрасьте! У меня при себе лишь газовик, а эти ребята явно имеют боевой опыт, по движениям видно. В случае серьезной перестрелки у меня шансов ноль... Некоторое время мужчины молча смотрят вверх, держа оружие наготове. Потом тот, что постарше, начинает разговор:

— Если она на чердаке, то нас там не слышно. Можешь говорить, только тихо.

— А ты уверен, что она вообще здесь? — негромко спросил второй.

— Слышал, что бабка у подъезда сказала? Рыжая девица в брюках зашла двадцать минут назад и не выходила?! На чердаке она...

Рыжая девица в брюках — это я. Сдала меня бабка и не поморщилась... А утром мне казалось, что я все-таки скорее блондинка, чем рыжая.

— Может, подняться? — спросил полупшепотом молодой, кивнув на чердачную дверь.

— Жить надоело? — зло отозвался первый. — Эта тварь если нас первой просечет, завалит в один миг.

Было бы из чего, точно так и поступила бы, первый не ошибается. Кто-то четко его проинформировал, мы с ним раньше не встречались.

— Она сюда вернется, — твердо пообещал первый. — Валим наглухо, хозяева между собой потом сами разберутся.

Спустился я с чердака чуть позже, еще неизвестно, как бы все сложилось. Я, конечно же, всегда чув-

ствую, кто ждет меня этажом ниже, но раз на раз не приходится... Что делать дальше? Ждать? Мужики тоже подождут. Не исключено, что другие подъезды контролируются с улицы и мои киллеры находятся на связи с наблюдателями. С двумя вооруженными тренированными мужиками мне не совладать... И в этот самый момент послышался шум открываемого замка, и на площадку буквально вывалился кто-то тяжелый и часто дышащий. Оба моих киллера мгновенно исчезли с площадки, переместившись на нижний этаж. Теперь они не могли видеть, что происходило около лифта. А происходило следующее. Прямо ко мне в подсобку буквально влетел огромный, тяжело дышащий бультерьер. Он тащил за собой на поводке хозяина, немолодого худенького мужичка. Я вооружилась шваброй, стараясь при этом войти в ампула уборщицы верхних этажей. Бультерьер был настроен дружелюбно, вилял хвостом и тыкался своим огромным, черным, точно у белого медведя, носом мне в бедро.

— Извините, — оттаскивая пса и принимая меня за уборщицу, произнес хозяин.

Я ничего не ответила, лишний раз лучше себя не афишировать, а те, что внизу, пусть думают что угодно. Сюда они сейчас не сунутся, лишние трупы и схватка с бойцовой собакой им не нужны. Хозяин с бультерьером зашли в лифт, я ненавязчиво и молча, не выпуская из рук швабры и ведра, прошмыгнула за ними. И быстренько плечом нажала первый этаж. Владелец бультерьера и его пес не возражали... Мои киллеры вряд ли что-то успели сообразить. Мало ли перед кем извинился владелец собаки, а женского голоса они не слышали. Хотя мне и хотелось узнать имя столь дружелюбного бультерьера.

Спустившись вниз, мужчина с бультерьером отправился на прогулку, а я сделала вид, что собираюсь начать уборку. На самом деле я поднялась на

второй этаж, где находилось окно, выходящее на противоположную от подъездов улицу. Быстренько превратила брюки в шорты, стянула волосы в конский хвостик на затылке, нацепила на нос солнцезащитные очки. Была рыжей в брюках, стала блондинкой в шортах. Затем распахнула окно и выпрыгнула на улицу.

Наблюдателя я вычислила быстро. Он был в единственном лице, сидел на скамейке так, чтобы было видно все пять подъездов, жрал мороженое и периодически общался с кем-то по мобильнику. На вид парень был довольно дебиловатым, нервно крутил шейю и сплевывал за скамейку в густые заросли. Мне ничего другого не оставалось, как обойти его с тыла и укрыться в этих самых зарослях, рискуя получить плевков на макушку. Впрочем, плевков не пуля.

— Нет ее, — донеслось до меня. — Никакой рыжей бабы в брюках. И без брюк тоже! Что я, дебил, по-твоему?!

Похож, но, видимо, не совсем.

— Баба какая-то толстая выходила, — продолжал наблюдатель. — Мужик с собакой, пацан какой-то... Ладно, до связи!

Кусты были густые, надежно могли скрыть не одну любовную парочку, пожалуй, целых три... Исходя из этого, я нанесла наблюдателю отключающий удар под ухо. Нажала на так называемую «кнопку-выключатель». Тот не успел и вскрикнуть, а я успела подхватить его падающее на асфальт тело и перетащить в кусты.

— Кто меня здесь пасет?

Это было первое, что услышал наблюдатель, не считающий себя дебилом, как только пришел в себя.

А первое, что он почувствовал, был пистолетный ствол, упертый ему в правый глаз. Газовый шпалер вполне годился для таких целей.

— Я... наняли меня, — только и пробормотал наблюдатель.

Я чуть усилила давление на глаз. Наблюдатель попытался вскрикнуть, но я ткнула его пальцем под горло, и он закашлялся. У меня мало времени, информацию же надо получить во что бы то ни стало. В это самое время совсем некстати запиликал мобильник наблюдателя. Я вторично отрубил моего пленника и взяла телефон сама.

— Ты куда делся? — услышала я голос, очень похожий на голос одного из киллеров с последнего этажа. — Я тебя в окне не вижу.

В самом деле, на площадке последнего этажа есть окно, из которого вполне видна скамейка. А вот заросли видно не очень.

— Слушай, урод, — произнесла я, не придумав ничего другого. — Это та, кого вы ждете. Жить вам осталось двадцать секунд, если не хотите взорваться на хер, отвечайте, кто меня заказал!

— А чего нам взрываться? — спросил мой киллер, сохранив при этом спокойствие.

— А того, что площадка заминирована... И лифт!

Далее я кратко, но внятно объяснила моему киллеру, во что одет он и его напарник, чем они вооружены, где лежит сорванный ими замок.

— Убежать не успеете, все взорву немедленно, только кнопку нажму! Кто меня заказал?

— Ладно... — киллер отозвался быстро, видимо решив, что оба они под моим видеонаблюдением. — Нас ты, может, и взорвешь, но от других не уйдешь, уж поверь, сеструха... Какая бы ты крутая ни была.

Киллеры явно недооценили меня. Догадайся они прихватить с собой генератор помех, глушащий ра-

диосигналы, а заодно бригаду саперов, сейчас у них было бы меньше волнений.

— Гадюка болотная твоя сеструха! Считаю до двух!

— Давай по-доброму! — поспешно залепетал киллер.

Похоже, его основательно запугали насчет меня и, таким образом, сыграли самим себе дурную службу.

— Тебя все равно убьют, — продолжил киллер. — Не мы, так другие. А заказало тебя твое начальство!

— Какое начальство? — спросила я, желая напомнить, что я нигде не служу.

— Сама знаешь, какое! Я подробностей не знаю, в лицо никого не видел, даже не пытай... разбирайтесь сами... Беги из Москвы, а если есть возможность, из страны... Лады, сестрица?

Жить мой киллер хочет. И, самое главное, прекрасно понимает, что я уничтожу его без всяких зазрений совести. Поэтому сейчас он говорит правду.

— Стойте на площадке десять минут! Я по радиосвязи отключу мины. Уйдете раньше, может произойти самоподрыв, — сообщила я и отключила связь.

О чем еще говорить?!

Стоять будут не менее двадцати минут. За это время я уже буду далеко.

Глава 3

Вернувшись на съемную квартиру, я сумела наконец перевести дух. «Твое начальство тебя заказало... Подробностей не знаю, разбирайтесь сами... Сама знаешь, какое начальство...» Слова моего несостоявшегося киллера до сих пор стояли в ушах. Кто знал, куда я отправлюсь после получения задания?! Этого не знал даже Сократ Иванович. А вот догадываться мог!

Так же, как могли об этом догадываться еще пара-другая посвященных офицеров спецслужбы... А вот где я снимаю очередную квартиру, я никому не докладываю, поэтому некоторое время могу считать себя в безопасности. На связь с генералом Прохоровым тоже не стоит торопиться, лучше для начала все хорошенько проанализировать и не включать до поры до времени собственный мобильник. Однако ничего путного в голову не шло. Одно ясно на все сто! Заказать меня мог кто угодно, но только не Сократ Иванович Прохоров. Он выдал мне полный расклад по похищению Шорникова, отправил на поиск, в путь-дорожку... А ведь вполне мог заманить на некий объект и там ликвидировать. Ведь я ему доверяла... Впрочем, доверяю и сейчас. Поэтому немедленно выйду с ним на связь! Или чуть погодить?! Меня заказал один из посвященных офицеров спецслужбы, который не хочет, чтобы я вышла на след Павла Шорникова. А я на него, по большому счету, так пока и не вышла. Сообщить об этом Прохорову, он проинформирует посвященный круг, у меня будет некоторая передышка... Нет, передышки не будет. Мой заказчик уже проинформирован, как я четко «сделала» его посланцев. Мой труп он жаждет лицезреть в самые ближайшие часы!

Что же делать?!

Не торопиться со звонком хотя бы минут двадцать...

Тут к голове и груди подкатила тяжесть. Вот оно, вернулось. Стоит только на миг расслабиться, и эта мерзость полностью овладевает мною. Я не хочу верить, что ЭТО случится сегодня и сейчас, и ОНО пока не случается. Одним рывком я поднимаюсь на ноги, бойцовая стойка, пара ударов по воздуху. Затем блокирую удары воображаемого противника. Вновь бью, на сей раз ногою в голову... Уф, немного отпустило!

Нельзя, нельзя расслабляться! Пока ноги носят — вперед и с песней.

Полтора месяца назад, после очередного задания, я почувствовала заметное недомогание. Вроде ничего особенного, только слабость какая-то нехорошая, постоянная, ну, давление чуть выше нормы, и голову сдавливает точно тисками. Попросила генерала Прохорова устроить в госпиталь, проверить что к чему. Неделю там прообследовалась, а потом вдруг выписывают. Но не просто так, а с направлением в онкоцентр. И говорит мне бесцветным голосом флегматичный такой специалист, дескать, недолго вам, Евгения Федоровна, осталось ходить по земле этой грешной. Я поначалу не испугалась. Удивилась, а потом смирилась. В людей как-никак стрелять приходилось, пусть даже в очень плохих. А богу угодно, чтобы стреляли мужчины, а женщины дома сидели и детей рожали. Потому и решил прибрать меня... Через некоторое время злость и досада стали одолевать. Пошла в онкоцентр, там предложили повторное обследование, а я взяла и отказалась. Пусть забирает меня бог, раз ему так угодно. И, самое интересное, голову и грудь меньше сдавливать стало, и слабость уже с ног не так валила. Плевать на все, буду работать дальше. С тех пор я готова была хоть к самому черту в пасть. Прохоров и его зам полковник Губанов смотрели на меня как на чокнутую, задания тем не менее давали. Понимали, что велосипедист в седле, лишь пока крутит педали... А когда я была в онкоцентре, там со мной приключилась одна история. Я с медсестрой разговорилась, и та показала мне девочку лет пяти-шести. Беленькая, на меня в детстве похожая. Или так показалось мне, девочка та на ангела была похожа, а я ангелом никогда не была. Звали девочку необычно — Злата, и смотрела она на нас с медсестрой из-за толстого непроницаемого стекла. У нее был тот

же диагноз, что у меня, только стадия была уже последней. За стеклом держали из-за ослабленного иммунитета, боялись любой инфекции. В изоляторе пусто, на полу игрушки, на стенах детские картинки. И то и другое тщательно стерилизовано. Хотя чего теперь было бояться? Ко всему прочему, какие-то идиоты прямо при девочке стали обсуждать ее состояние, и Злата узнала, что жить ей осталось немного. Может, месяц, может, два. Идиоты думали, она глупенькая, не понимает. А она поняла. И перестала разговаривать.

— А можно мне с ней поговорить? — спросила я медсестру.

Та лишь пожалала плечами. Дескать, теперь все можно!

— Здравствуй, Злата! — произнесла я в специальное переговорное устройство, так как стекло было слишком толстым.

Девочка молчала, но в ее карих глазах появился интерес. Тетенька без белого халата, незнакомая, а почему-то здороваётся и называет по имени.

— Вот послушай... — начала я. — Знаешь, Злата, кто такие великаны?

Девочка молча кивнула. Я поднесла к стеклу свою ладонь.

— А знаешь, какая ладонь у великана? — спросила я.

Девочка Злата вновь ничего не ответила, лишь пожалала плечами.

— Ладонь у великана очень большая, — ответила на собственный вопрос я. — Больше этого коридора, — кивнула я за свою спину. — Поэтому на ладони великана помещаются и пастух с коровами, — я указала на соответствующую картинку, висящую на стенах Златинового изолятора, — и мальчик с девочкой, — кивнула я на другую картинку, — и клоун с собач-

СОДЕРЖАНИЕ

БОЛЕВОЙ ПРИЕМ. <i>Повесть</i>	5
РУССКИЙ НИНДЗЯ. <i>Повесть</i>	247